

к «старинке» или к «нонешним временам». По-бабьи, в традиционной форме народного причета выражает свое отношение Анфуса Гавриловна:

«Ох, через золото много напрасных слез льется!..»

А старик Луковников обращается к народной афористике:

«...деньгами отца с матерью не купишь».

Актуальность на все времена последнего своего уральского романа Д. Н. Мамин-Сибиряк выразил афористически емко в письме к редактору-издателю журнала «Наблюдатель» А. П. Пятковскому: «Хлеб — все, а в России у нас в особенности».

Примечания

1. См., например: *Блажес В. В.* Содержательность художественной формы русского бытового эпоса: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов филол. ф-та. Свердловск, 1977. С. 35–79.
2. *Дергачева-Скоп Е. И.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 106.
3. Здесь и далее цит. по: *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 7.

© Мотоусова О. Н.
г. Екатеринбург

КНИГА В. РОЗАНОВА «ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ»: ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ

Проблема определения жанрового своеобразия книги В. В. Розанова «Опавшие листья» является одной из наиболее актуальных в современном литературоведении. После выхода в свет трилогии «Уединенное» и «Опавшие листья» стало ясно, что созданы новые яркие тексты, которые войдут в историю литературы. А. Н. Николюкин говорит о трилогии как о *«вершине жанра»*, за которым десятилетия спустя последовали в нашей литературе “камешки на ладони”, “затеси”, “бухтины вологодские”, “мгновения” [1, с. 282]. Проблема жанра была также затронута в исследованиях А. Синявского, Э. Голлербаха, Е. А. Невелевой, В. Шкловского.

А. Синявский указывает на близость отдельных фрагментов книги «Опавшие листья» жанру афоризма. Некоторые записи Розанова действительно представляют собой относительно замкнутое в себе художественно-философское целое. Например: «Смерть есть то, после чего ничто не интересно» [2, с. 92]. При этом каждый текст, подобно афоризму должен помещается на отдельной странице, именно так было задумано у Розанова. «Завещаю по (+) моей перепечатывать все аналогичное и продолжающее “Уединенное” и “Опавшие листья” книги в том непременно виде, как напечатаны они (т. е. с новой страницы каждый новый текст), я, в целях компактности и, след., ускорения печати “павших листов”, отступаю от прежней формы, с крайним удручением духа» [2, с. 238]. Афоризм предполагает, что читатель на

нем задерживается, погружается в глубь сказанного. Поэтому афоризм — это не просто некоторые мысли по поводу определенной темы, это *итог размышлений*.

С другой стороны, афоризм как жанр освобождает автора от необходимости излагать свои мысли последовательно, в виде связанного повествования. Афоризмы предполагают многогранность и многоликость авторского «я» — в этом его следующая отличительная черта. Кажется, что именно эта сторона привлекла Розанова к афористической форме, влекла возможность быть нелогичным и непоследовательным, позволявшая свободно переходить от одной темы к другой. «Афористическая форма отвечала лучше всего незапрограммированности розановской мысли, мысли, которая как бы на что-то натывается и как бы впервые и заново осознает какой-то предмет», — отмечает исследователь творчества писателя А. Синявский [3, с. 177].

«Напряженнейшая сосредоточенность духовного зрения странно сочетается в них (письмах Розанова) с почти патологическим распылением, раздробление внимания», — таково впечатление Голлербаха от писем В. В. Розанова [4, с. 23]. Эта характеристика вполне актуальна и для «Опавших листьев». Своеобразная осколочность и одновременно крайняя сосредоточенность на отдельной мысли, на отдельном переживании, организующем фрагмент, совмещение этих, казалось бы, несовместимых начал возможно, в частности, и в афористической форме.

Вместе с тем розановские записи не совсем афоризмы. Афоризм предполагает отточенность и законченность мысли и формы, он появляется в итоге размышлений. Между тем специфика мышления Розанова в том, что он не отделяет письмо от мысли, для него это единый целостный процесс. И потому фрагменты Розанова и существуют, и не существуют отдельно, но и бытуют в контексте соседних, смежных и дальних записей, книги «Опавшие листья» в целом, в контексте своих и чужих произведений и культур. «Смерть есть то, после чего ничто не интересно» [2, с. 92]. «Но она наступает для всего» [Там же]. «Неужели же сказать что — ничто не интересно?» [Там же]. Продолжение фрагмента происходит из-за слова (смерть), которое переходит в последующий отрывок, продуцируя таким образом все новые и новые мысли автора, способствуя открытию и познанию мира.

Афоризм, отмечает В. И. Плотников [5, с. 19], — это всегда мысль конкретного автора на тему, которая его волнует, с которой связаны его личностные переживания и внутри которой он имеет возможность показать не только знание предмета, но и свое непосредственное отношение к нему. Моменты личностного и общезначимого, субъективного и объективного в афоризме не просто сосуществуют, они находятся в органическом взаимодействии.

Между тем в розановском фрагменте субъективное часто преобладает над объективным. Автор будто нарочно постоянно указывает на свое присутствие в тексте: личное местоимение первого лица («я»/«мое»), ближайший круг знакомых, жена и дети, выраженность субъективной точки зрения, круг тем. Если для афоризма более важна установка на объективность,

передача универсального знания, то во фрагменте главное — субъективность как способ подачи материала. Сильное лирическое начало дает основание некоторым исследователям говорить о близости книги философскому жанру исповеди [5, с. 31].

«В акте исповеди раскрывается самая сокрытая, самая потаенная человеческая суть. Шаг за шагом снимается все наносное, что скрывает подлинное “я” человека, тот внутренний стержень, который формирует внутренний мир личности», — пишет И. С. Бельский [5, с. 27]. В исповеди происходит двойное погружение в глубь себя. В ней происходит, пользуясь христианской терминологией, таинство *обретения себя самого* во имя будущей жизни, так как именно перед лицом будущего человеку так необходимо обретение своих предельных внутренних оснований. Но обретение это происходит в ходе постоянного диалога с самим собой, с другим, с Богом. Именно эта потребность в диалоге, в сопоставлении себя с другим является одним из основных импульсов исповеди.

Исповедь всегда повествовательна и автобиографична, отмечает И. С. Бельский. В ней наряду с внутренним диалогом присутствует и монолог. Человек в ней выступает как рассказчик, повествователь своей жизни, судьбы, деяний. Но повествует он не просто о событиях своей жизни, а о глубоко личных духовных поисках. На автобиографичность книги «Опавшие листья» указывает то, что часто предметом изображения становятся отрывки из прошлой и настоящей жизни, когда писатель вдруг открывает для себя в быту, окружающем мире нечто новое, неизведанное. «Какой это ужас, что человек (вечный философ) нашел слово для этого — “смерть”. Разве *это* можно как-нибудь назвать? Разве *оно* имеет имя? Имя — это уже определение, уже “что-то знаем”. Но ведь мы же об этом *ничего не знаем...*» [2, с. 44]. Понимание при этом обретает абсолютную значимость, становится важным все: какими словами пришла мысль, где это произошло (см. пометы внизу отрывков), при каких обстоятельствах, даже форма выражения и интонация. И если об исповеди можно говорить как об истории духовного становления, то книга Розанова близка к данному философскому жанру именно по этой причине.

Исповедь тесно сопряжена с покаянием, иногда даже выступает как синоним покаяния. «Действительно, *покаяние — лейтмотив любой исповеди*. Оно неизбежно, так как если человек совершает исповедь, то он заведомо обречен на обнажение себя подлинного» [5, с. 28]. В книге много фрагментов, где автор говорит о своей личности, своем отношении к людям и миру. «В мышлении моем всегда был какой-то столбняк» [2, с. 142]. «В сущности, я ни в чем не изменился с Костромы (лет 13). То же равнодушие к “хорошо” и “дурно”. Те же поступки по мотиву “любопытно” и “хочется”. Та же, пожалуй, холодность или скорей безучастие к окружающему. Та же почти постоянная грусть, откуда-то текущая печаль, которая только ищет “зацепки” или “повода”, чтобы перейти в страшную внутреннюю боль, до слез... Та же нежность...» [Там же].

Фрагменты трилогии, которые сам автор называет «полумыслями, по-

лучствами», местами очень напоминают исповедь. Тем более что адресованы они не читателю, а самому себе. Фрагменты часто напоминают разговор с самим собой, точнее, схватывание своих переживаний и ощущений настоящего момента, это интимный, происходящий глубоко внутри личности процесс открытия новых смыслов собственного индивидуального бытия. Кажется, что в «Опавших листьях» автор стремится успеть за жизнью собственной души. В то же время розановский фрагмент существенно отличается от исповеди. «В нем наличествуют только элементы исповедальности, однако нет той цельности, глубины раскрытия личности, которую мы наблюдаем в исповеди. Жанр исповеди не может ограничиваться лишь мимолетными, эмоциональными впечатлениями о себе и об окружающей действительности. Исповедь требует включения всех внутренних резервов личности. Исходя из полноты своего онтологического статуса для исповедующегося, исповедь фиксирует перипетии жизненного пути с той же полнотой оснований и средств выражения» [5, с. 32]. Именно этой полноты, по мнению И. С. Бельского [Там же], мы не находим у Розанова. Однако основное отличие фрагмента от жанра исповеди видится не в этом. Если исповедь исходит из последовательного и системного анализа личности, то фрагмент базируется на внезапном откровении, открытии сущностных черт человека и мира в сознании индивида. Скорее здесь можно говорить о разных способах мышления, условно обозначенных как логическое и интуитивистское, ведущих однако все к той же полноте познания.

Если афоризм — это итог размышлений писателя, заключение, к которому он приходит в итоге раздумий, а исповедь чаще всего обращена к прошлому, анализу уже случившегося ранее, что сейчас, в момент исповеди-письма становится предметом анализа, то фрагмент по природе своей включает и момент познания и момент письма *одновременно*. Время написания фрагмента — это время познания бытия, оно имеет качественно иное значение. В книге «Опавшие листья» запечатлеваются только моменты, обретшие особое значение для автора, расширившие его понимание мира. Время невосприимчивое (непрерывно текущее) писателем отражается на письме как зияние, пустота, пробел в непрерывном процессе осознания бытия (пространство текста между отрывками). «Есть некая точка, которую мы выделяем, которая выделена и самим построением нашей сознательной жизни. Точка *hic et nunc* (здесь и сейчас)... в которой нет ни прошлого, ни будущего», — пишет В. Подорга [6, с. 132]. Фрагмент обязан своим появлением именно «точке равноденствия», в которой уравнивается величина событий: ведь понимание не зависит от «важности» события (война или детские игрушки), ставшего толчком для сознания.

Спор о жанре произведения «Опавшие листья» В. Розанова до сих пор остается открытым. «Известно, что у разных авторов можно найти произведения, которые не могут быть отнесены ни к одному из известных жанров в чистом виде, и тогда автор выступает в качестве создателя своего оригинального жанра. Чаще всего подобный выход за жанровые рамки осуществляется, когда обнаруживаются пограничные проблемы, например, на стыке

философии и литературы. Отнести такие произведения к одному определенному “ведомству” крайне сложно, а чаще просто невозможно», — пишет Е. А. Невелева [5, с. 93]. В некоторых фрагментах можно выделить как элементы жанра афоризма, так и черты, свойственные исповеди. Вместе с тем фрагмент не является самостоятельным жанровым образованием. Фрагмент в тексте произведения «Опавшие листья» генетически восходит к такому жанру художественной литературы, как отрывок, но не тождественен ему. Если отрывок представляет собой логически законченное целое, то фрагмент, наоборот, может существовать только внутри текста «Опавших листьев», в парадигме ближних и дальних записей. Определение жанра книги В. Розанова также неоднозначно. В. Шкловский в работе «Розанов» 1922 г., исследуя структуру книги и основные темы, нашедшие отражение в «Опавших листьях», приходит к следующим выводам: «Вообще отрывки у Розанова следуют друг за другом по принципу противопоставления планов, то есть план отрывков сменяется планом космическим. Таким образом, мы видим, что *“три книги” Розанова представляют из себя некоторое композиционное единство типа романов, но без связывающей части мотивировки*» [7, с. 335].

Таким образом, противоречивые, взаимно исключаящие качества книги как нового жанра, созданного на стыке философии и литературы, возможно, берут свое начало в разных родах литературы и философии: эмоциональность и лиричность — от лирики и философского жанра исповеди, диалогическую структуру и прием разыгрывания по ролям — от драмы, фрагментарную форму и небольшой размер — от эпоса и уникального философского жанра афоризма. Розанов собирает черты разных жанров таким образом, что на первом плане оказывается мысль-эмоция, «жизнь души».

Розанов размывает жанровые формы даже в пределах отдельной записи. Его текст разомкнут для диалога со всем мирозданием. Слово, живое и подвижное в каждом фрагменте, соединяет «Опавшие листья» в единый текст, слово словно ищет выход за пределы фрагмента, ведет диалог с культурным наследием, историей, бытом и бытием. Разомкнутость каждого отдельного фрагмента и всей книги «Опавших листьев» в целом, возможность открытого диалога и есть то, что отличает книгу В. В. Розанова от классических литературных и философских жанров.

Примечания

1. Николокин А. Н. В. Розанов. М., 2001.
2. Розанов В. В. Опавшие листья. М., 2001.
3. Синявский А. «Опавшие листья» В. Розанова. М., 1999.
4. Голлербах Э. В. В. Розанов: Жизнь и творчество. СПб., 1922.
5. Многообразие жанров философского дискурса / Под ред. В. И. Плотникова. Екатеринбург, 2001.
6. Подорога В. Феноменология тела. М., 1995.
7. Василий Розанов: pro et contra: В 2 т. СПб., 1995. Т. 2.